

SHIWYTUN

Там, где цветут флюсиции

shiwytun

Там, где цветут флюсиции

«Автор»

2026

shiwytun

Там, где цветут флюсии / shiwytun — «Автор», 2026

Что делать, если капризный дедовский артефакт вдруг проснулся и упрямо зовет вглубь опасного леса? Кен и Кира учатся на разных факультетах, но общая тайна заставляет их держаться вместе. Пока в школе кипят интриги, а заносчивые эльфы устанавливают свои правила, герои решаются на тайную вылазку к глухим холмам. Они ищут сокровища, но готовы ли они к тому, что скрывает черная пещера у лагеря гоблинов?

© shiwytun, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. До субботы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

shiwyttun

Там, где цветут флюсиции

Пролог

Под козырьком крыши приоткрылось окно. В небе мерцали звёзды, в окнах домов уже не горел свет, и только звуки сверчков разбавляли ночную тишину. Девушка спрыгнула с подоконника и побежала в чащу леса.

На старом холме её уже ждал Кен.

— Кира, ты всё-таки пришла!

— Я же обещала.

— Мы просто посмотрим, что там, и вернёмся, — сказал Кен, доставая из кармана компас.

Следуя за магнитной стрелкой, они вскоре заметили сквозь ветки далёкие огни лагеря гоблинов. Ребята присели за поваленным стволом.

Высокие заостренные брёвна служили чудовищам стеной, у ворот в земле торчали копыта, на концах которых висели кишки, кожа, головы животных.

— Наверняка они спят. Давай обойдём через овраг, — шепнул Кен.

Спустившись вниз, они замерли: спиной к ним на краю скалы стоял гoblin, облокотившись на дерево. Убедившись, что он их не услышал, ребята направились дальше вдоль лагеря. Ветка предательски хрустнула под ногами Киры. Сердце застучало так сильно, что окружающий шепот листвы, ветра, и пение птиц будто затихли. Кен видел только силуэт Киры, а все остальное казалось черным пятном, они замерли. Гоблин всхрипнул. Парень с облегчением тихо выдохнул, и прислонил кончик указательного пальца к губам, а второй рукой указывал в сторону. Девушка поколебавшись осторожно зашагала дальше.

Ребята вышли к пещере. Луна ярко освещала окрестности, поэтому вход в пещеру казался абсолютно чёрным, пугающим пятном.

Кен зажёл ручной железный фонарь и шагнул вперёд. Сосредоточенное лицо парня обдувал сквозняк из пещеры, насыщенный многолетней сыростью.

— Давай пойдём обратно, — тихо сказала Кира.

В глубине тьмы слышались звуки железа, которое билось о камни и волочилось в сторону подростков.

— Кен... — повторила она, но уже громче.

Большие глаза загорелись в пещере, стремительно приближаясь к выходу. Железо стучало и волочилось по земле ещё быстрее, а прохлада сменилась жаром.

— Беги! — крикнул Кен.

Глава 1. До субботы

Кен проспал начало учебного дня, поэтому ко второму уроку ему приходилось не идти, а бежать. Через край старого леса — по заросшей тропинке выходило втрое быстрее, чем плестись по длинной окружной дороге. Под ногами мелькали корни, а из влажной травы доносился сладковатый аромат — юноша то и дело наступал на мелкие синие бутоны флюсиции. Ветки деревьев норовили зацепить его расстегнутый форменный пиджак. Кен на ходу смахнул с лица длинные, по плечи, темные волосы, которые постоянно лезли в глаза. Он был худощав и среднего роста, поэтому бег по лесной глуши давался ему непросто — дыхание уже сбилось, а белая рубашка измялась.

Минут через десять быстрой пробежки лесная тропа наконец вывела его к тракту, и чаща расступилась. На площади перед главным входом в замок уже толпились громоздкие экипажи, а некоторые, высадив учеников, разворачивались и ехали обратно. Кен больше не бежал. Он окончательно выдохся, ноги гудели, а потому последний отрезок пути он просто шагал по обочине дороги, пытаясь перевести дыхание. Вдруг позади послышался стук копыт. Из облака пыли вынырнула знакомая карета, на козлах, натягивая вожжи, сидел дядя Томас. Из окна наружу высунулась девичья голова.

— Кен! Неужели это ты? — удивленно окликнула его Кира.

Парень сделал вид, что не слышит и отвел взгляд в сторону, но быстро понял: идея глупая. Ладно бы его обогнал рейсовый дилижанс, но это была она! Кен и сам себе бы не признался, почему её мнение волновало его сильнее всего на свете. Главное сейчас — не подать виду, что он смущён. Юноша тут же расправил плечи. Из уставшего, уныло плетущегося доходяги он мгновенно превратился в уверенного в себе человека: шаг стал неторопливым, а осанка — важной, будто он изначально и планировал эту неспешную прогулку у школы. Одной рукой Кен небрежно попытался пригладить растрепанные волосы, но сделал только хуже — они окончательно запутались и встали дыбом.

Отец Киры натянул вожжи на себя, и карета остановилась. Мужчина обернулся с козел и добродушно крикнул:

— Здорово, Кен! Опять первый урок проспал? Ну-ка прыгай к нам, подбросим!

Дверь кареты распахнулась, а оттуда приветливо улыбнулась мама Киры, освобождая место на сиденье.

— Привет, дядя Томас, здравствуйте, тетя Марта! Да ладно, спасибо, тут идти-то осталось всего ничего...

До замка оставалось еще минут пять спокойным шагом. Но колени после бешеного бега предательски подкашивались, да и посидеть рядом с Кирой лишнюю минуту было слишком заманчиво. Смирившись, он запрыгнул на подножку и скользнул в полумрак кареты, блаженно вытягивая гудящие ноги прямо напротив своей спутницы. Экипаж покатиł дальше по накатанной колее.

Долгое молчание казалось неловким, поэтому Кен перевел дыхание и, стараясь казаться непринужденным, посмотрел на неё:

— Ты тоже ко второму уроку?

— Да! — радостно ответила Кира. — Профессор Пентрю заболел, так что теперь всю оставшуюся неделю у нашего класса занятия начинаются со второго.

— Я и не знал, — Кен удивленно приподнял брови. — Значит, и у нас отменят его предмет. Конная езда... Навряд ли эти занятия мне вообще когда-нибудь пригодятся.

Тетушка Марта ласково хмыкнула, покачиваясь в такт движению экипажа.

— Напрасно ты недооцениваешь этот предмет, Кен, — мягко заметила она. — В своё время конная езда очень выручила и меня, и моего мужа.

Женщина уже набрала в грудь воздуха, собираясь поведать давнюю семейную историю, но экипаж мягко затормозил у крыльца. Приехали. Подростки дружно вскочили, тепло попрощались со взрослыми и легко спрыгнули на землю.

Вместе они направились к парадному внутреннему двору. Кира шла быстро, так воодушевленно размахивая руками, что её кожаный портфель то и дело хлопал по бедру. Она без умолку рассказывала о восточных практиках исцеления и восстановления.

— ...Представляешь, у меня одной со всего класса получилось вернуть к жизни завядший бутон флюсии! — её глаза горели искренним восторгом. — Кажется, Мила теперь мне жутко завидует.

— Ну, может, она просто... — пробормотал Кен, но Кира его перебила, внезапно развернувшись к нему всем корпусом:

— Кстати! Ты ведь знаешь, что мои родители собираются приехать к вам в эту субботу?

Они как раз миновали массивную входную арку и очутились во внутреннем дворе. Новость о визите дяди Томаса он воспринял бы равнодушно — его приезды давно стали делом привычным. «Если с ним приедет тетя Марта, быть может тогда и Кира?», язык будто опередил мысли:

— А ты... ты тоже приедешь?

Парень сто раз пожалел о том, что сказал — прозвучало это как прямое, навязчивое приглашение. Кира ведь ни разу не переступала порог его дома.

На её щеках проступил быстрый румянец, но девушка ничуть не растерялась.

— Да, я приеду, Кен! Если ты, конечно, не против!

— Здорово! Я буду ждать тебя... то есть, всю вашу семью! — поспешно исправился он, стараясь, чтобы голос не слишком сильно дрожал от восторга.

Он с удовольствием провёл бы с ней весь сегодняшний день и встречался бы на каждой перемене. Но, увы, их факультеты находились в совершенно разных крыльях замка. К тому же правила школы гласили, что ученикам их возраста строго запрещено бесцельно бродить по чужим коридорам.

Они тепло попрощались и разошлись по корпусам.

На втором уроке Кен окончательно выпал из реальности. Профессор что-то чертил на доске, скрипя мелом, но парень не слышал ни единого слова. Его мысли крутились исключительно вокруг субботы.

«Она приедет. Кира приедет ко мне в гости», — эта мысль пульсировала в голове, заставляя глупо улыбаться.

Но вслед за радостью накатила лёгкая паника. Кен вспомнил, в каком состоянии сейчас находится его комната, и похолодел. Надо устроить генеральную уборку. Срочно. До субботы осталось несколько дней, а его берлога больше напоминала поле боя после нашествия гоблинов — разгрести этот хлам придётся до самых выходных.

Подперев щеку рукой, он уставился в окно и принялся представлять их будущую прогулку после ужина. Ему непременно хотелось повести её к старому холму, откуда открывался лучший вид на вечернее поле. К тому же Кен твердо решил показать Кире свои сокровища.

На чердаке их дома, среди старого тряпья, бережно хранилась шкатулка с вещами, оставшимися от бабушки. Кен вспомнил тяжёлый, потемневший от времени прибор — не то древний компас, не то магический хронометр, покрытый едва различимыми рунами. Дед когда-то нашёл его в самой чаще леса и уверял, что эта вещь хранит в себе какую-то тайну. Кен до сих пор не понимал, как он работает, но был уверен: Киру, с её любовью к магии и исцелению, эта древность точно приведёт в восторг.

После окончания занятий Кен направился к выходу из замка. Рядом с ним, то и дело подстраиваясь под его широкий шаг, семенил лучший друг — Филип. Он был эльфом, но совсем не походил на книжных сородичей: упитанный, на целую голову ниже Кена, с пышной

копной блондинистых волос и забавно торчащими заострёнными ушками. Его глаза весело поблёскивали, а сам Филип всегда двигался в облаке какого-то приятного, едва уловимого аромата дорогих масел.

— Ты вообще не боишься, что профессор Килтон нажалуется твоим родителям из-за этих постоянных пропусков? — Филип обеспокоенно заглянул другу в лицо. — Тебя же вечно нет к первому уроку.

— Плевать. Он уже жаловался, как раз когда ты болел, — Кен беззаботно махнул рукой и проворчал: — Мои родители ни за что на свете не станут заставлять меня ходить к началу занятий. Они сами всё прекрасно понимают. Какая разница, что там по расписанию первым — зоология или конная езда? Эти предметы вечно чередуются, а я одинаково не вижу смысла учить всю эту их теорию. Я почти каждый божий день хожу через дикий лес и вижу всех этих животных и лошадей вживую! Вот это — мои настоящие уроки, а не картинки в учебниках.

— Эх, везёт тебе... — Филип завистливо вздохнул. — Мои родители ни за что бы мне такого не разрешили. Даже если предметы меняются, заставили бы являться к первому часу как штык.

Они дружно рассмеялись, выходя на школьную площадь. У обочины Филипа уже дожидался личный роскошный экипаж, запряжённый парой белоснежных породистых лошадей.

Филип по-дружески хлопнул Кена по плечу.

— Ну, пока! До завтра!

— погоди, Филип! Вы в эти выходные куда не уезжаете? Может, приедешь ко мне в воскресенье, погуляем?

Эльф на секунду задумался, забавно подергивая заостренным ушком, а затем весело блеснул глазами:

— Да вроде планов не было. Если отец разрешит взять повозку с кучером, то я обязательно приеду. Ты же знаешь, он обычно не против, когда я к тебе выбираюсь.

— Отлично, тогда буду ждать!

Эльф поспешил к карете. На козлах сидел старый кучер — скромный, потрепанный жизнью человек в штанах с грубыми заплатками и помятой плотной рубашке чёрного цвета. Стоило молодому господину подойти ближе, как мужчина торопливо, почти подобоострастно сорвал с головы старый козырёк и низко поклонился. Затем он перевёл на Кена долгий, тяжёлый взгляд, в котором читалась усталость пополам с тихой затаённой обидой, и вежливо приподнял руку в приветствии. Кен еле заметно кивнул ему в ответ.

Обратный путь в деревню Тауртаум Кен преодолевал уже не спеша. Он шёл спокойным шагом, подставляя лицо мягким лучам послеполуденного солнца. Спешить было абсолютно некуда. Тропинка вела его среди вековых дубов. Их стволы казались надёжными колоннами, удерживающими плотный зелёный навес высоко над головой. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь густые кроны, лишь местами просачиваясь на землю яркими золотистыми пятнами, в которых кружились пылинки. Лес жил своей привычной, размеренной жизнью. Заметить рыжую белку, ловко скачущую по веткам над самой головой, здесь было самым обычным делом. Кен даже не повернул головы на тихий шорох коры.

Вдруг прямо перед его носом дорожку на бреющем полёте пересекли дрэмы — шумная стая пернатых акробатов, которые никогда не летали в одиночку. Маневрируя на низкой высоте между могучими стволами, они проносились единым серым потоком. Кен пригнулся, пытаясь закрыть голову пиджаком, одна из птиц даже задела его волосы. Затем стая скрылась в чаще. Благодаря этим маленьким охотникам в лесу почти не было назойливых летающих насекомых, и парень мог спокойно наслаждаться прохладой, не отмахиваясь от гнуса.

Вскоре чаща окончательно поредела, и сквозь ветви проступили знакомые соломенные и черепичные крыши родной деревни.

На самой окраине, прямо у дороги, стоял невысокий бревенчатый домик, над крыльцом которого покачивалась аккуратная вывеска — «Карамельная лавка». Кен уверенно зашагал к крыльцу.

Внутри пахло топлёным сахаром, ванилью и сушёной цедрой. За прилавком, спиной к двери, стояла тётушка Хельга. Пожилая женщина, одетая в строгое зелёное платье с бежевым фартуком, как раз увлечённо раскладывала по стеклянным баночкам свежие сладости. Её седые волосы были аккуратно уложены, а в глазах отражались разноцветные блики от леденцов.

Уютную тишину магазина бесцеремонно нарушил Кен. Накатившая радость требовала выхода, поэтому парень с грохотом распахнул тяжёлую дубовую дверь и прямо с порога крикнул:

— Добрый день, тетушка Хельга! Как поживаете?

От неожиданности женщина вздрогнула. Рука её сорвалась, и пригоршня глянцевого карамелек с тихим стуком рассыпалась по деревянному полу. Кен тут же устыдился своей бурной радости. Сбросив на ходу сумку, он быстро опустился на корточки, ловко подобрал все конфеты и бережно протянул их хозяйке.

— Спасибо, Кен, — тетушка Хельга тихонько рассмеялась, качая головой и принимая сладости. — Ну и напугал же ты меня! Вечно влетаешь как ураган.

— Извините, — Кен виновато улыбнулся, поднимаясь на ноги.

— Ничего-ничего, всё хорошо, — она ласково посмотрела на юношу поверх круглых очков. — Что, неужели занятия на сегодня уже закончились?

— Да, уроки всё, — Кен облокотился на прилавок, стараясь выглядеть непринужденно. — Тётушка Хельга, а у вас остались те мятные пастилки в сахарной пудре? Ну, которые из города привозят.

Пожилая женщина хитро прищурилась, и на её щеках собрались добрые морщинки.

— Остались, как раз одна коробочка. Неужто для Киры? Её родители говорили, в субботу к вам собираются.

У Кена забегали глаза, он подобрал с пола сумку и достал оттуда монеты, быстро пересчитал и положил на прилавок.

— Да я просто... к чаю, — пробормотал он, забирая заветную коробочку, перевязанную бечевкой. — Спасибо! Хорошего дня!

Выскочив из лавки, Кен поспешил к своему дому. На пороге он аккуратно снял обувь и попытался незаметно прошмыгнуть мимо кухни, откуда уже вовсю доносился аромат запечённого картофеля с травами. Но половицы предательски скрипнули.

— Кен, это ты? — донёсся из кухни звонкий мамин голос.

— Да, я пришёл! — отозвался парень, замирая на нижней ступеньке деревянной лестницы.

— Скоро будем ужинать, мой руки и садись к столу!

— Хорошо!

Облегчённо выдохнув, Кен широкими шагами через одну ступеньку поднялся на второй этаж. Он ворвался в свои владения, плотно притворил дверь и первым делом огляделся в поисках надёжного тайника. Заветная коробочка, перевязанная бечёвкой, в итоге перекочевала на самую верхнюю полку платяного шкафа, спрятавшись за стопкой старых шерстяных свитеров. Теперь сладости были в безопасности — ни мама случайно не наткнётся, ни у самого не возникнет соблазна стащить конфету-другую до субботы.

Оставив сумку у стола, он быстро скинул школьный пиджак, переоделся в свободную домашнюю рубаху и осмотрел комнату. Да, убираться придётся не один вечер. Юноша решительно засучил рукава и принялся за дело, решив начать с самого очевидного — разгрести завалы на письменном столе.

В самый разгар битвы с хаосом, когда Кен увлечённо сортировал помятые черновики, за спиной тихо скрипнула дверь. Он резко обернулся. На пороге стояла мама. Она перевела взгляд с аккуратной стопки учебников на сына, и её брови взлетели вверх.

— Что?.. Ты убираешься? — в её голосе сквозило неподдельное изумление.

— Да так... — настороженно буркнул Кен, пряча глаза и делая вид, что безумно увлечён стиранием пыли со столешницы. Главное — не выдать себя.

Мама молча оглядела комнату, смешно поджала губы и понимающе, очень одобрительно кивнула. На её лице так и читалось: «Не знаю, что стряслось, но мешать не буду».

— Ладно... Эм... Пошли ужинать, папа уже пришёл, — наконец мягко произнесла она.

— Да, сейчас, — ответил Кен.

Он так и остался стоять с тряпкой в руках, выжидающе глядя на маму, пока её шаги окончательно не стихли на лестнице. Мельком осмотрев результаты первого штурма, он подхватил внушительную охапку старых бумаг, обрезков пергамента и прочего мусора, скопившегося за последние месяцы, и направился вниз.

— ...Ты наконец-то решил разобрать свой творческий беспорядок? — беззлобно подшутил отец, переглянувшись с улыбающейся женой.

Кен ничего не ответил. Сделав каменное лицо, он лишь крепче прижал к себе охапку бумаг и стремительно пронёсся мимо них к выходу на задний двор.

Стоило входной двери хлопнуть, как отец тихонько усмехнулся и покачал головой.

— И года не прошло, как Томас обмолвился, что возьмет дочку с собой, — негромко заметил он, придвигая к себе тарелку. — Смотри-ка, какая великая сила — субботний визит. Мама лишь ласково улыбнулась в ответ, наливая в кружки травяной чай.

— Пусть убирается, — мягко отозвалась она. — Нам же лучше. Главное — делай вид, что ты ни о чём не догадываешься, иначе он со стыда сгорит и забросит это дело.

Через минуту дверь снова скрипнула. Кен вернулся в дом, демонстративно тщательно вымыл руки у раковины и как ни в чём не бывало уселся за стол. Наложив себе полную тарелку картофеля, он поймал на себе внимательный взгляд отца и поспешно, чересчур непринуждённо бросил:

— Да просто... дышать в комнате нечем стало. Захотелось порядка, да и всё.

— Кстати, — Кен торопливо перевел тему, усердно ковыряя вилкой в тарелке. — Я сегодня видел, что Филипа из школы отвозил не эльф Сулифан, а какой-то незнакомец... Потрепанный такой, бедный. Человек.

Обстановка за столом стала более серьезной. У отца Кена пропала лёгкая улыбка, он отложил хлеб и вздохнул.

— Хм... Да, — с лёгким раздражением проворчал он. — Сейчас у эльфов самый плодотворный период. Банковские дела, город, ценные бумаги — всё это стало приносить им ещё больше прибыли. Пока мы — люди — трудимся не разгибая спины, они там только богатеют. Вот и нанимают наших по малейшему поводу.

Отец недовольно качнул головой, досадуя на такое положение дел, и его пальцы сжались на краю стола. Мама мягко накрыла его ладонь своей, сглаживая вспышку недовольства.

— Роберт, успокойся, — ласково произнесла она, а затем повернулась к сыну и тихо добавила:

— Помни, Кен: у каждого своя ноша. Золотые стены не защищают от шторма внутри, и эльфы не живут припеваючи, даже если со стороны кажется так. Чужая жизнь всегда кажется проще, пока сам не примеришь её груз.

Отец лишь махнул рукой, соглашаясь закрыть тему, и вернулся к ужину. Разговор плавно перетёк на обсуждение деревенских новостей, но слова матери на секунду заставили Кена задуматься, прежде чем он снова вернулся к своим планам.

Утро четверга выдалось облачным и приятно прохладным. На этот раз Кен вышел из дома без опозданий, поэтому по лесной тропинке он не бежал, а шёл размеренным, почти прогулочным шагом. Наслаждаясь утренней свежестью, юноша выбрался к тракту, где у самой развилки его снова догнал знакомый деревянный экипаж. Дядя Томас, заметив парня, приветливо взмахнул вожжами и сразу же пригласил его внутрь. Кен, уже не дожидаясь повторного приглашения, с улыбкой кивнул и уверенно запрыгнул в карету.

Кира сидела напротив. Она молчала улыбалась, разглядывая Кена своими живыми серыми глазами. Подростки даже не успели поздороваться, потому что тётя Марта с ходу принялась увлечённо расспрашивать Кена о делах: как проходит учеба, как поживают его родители и, главное, не поменялись ли у них планы на субботу. Кен вежливо и подробно отвечал, но в маленьких паузах между вопросами то и дело бросал быстрые взгляды на Киру. А та всё так же сидела притихшая, загадочно улыбалась и не сводила с него глаз, отчего у парня внутри приятно щекотало.

Карета остановилась у знакомого крыльца. Покинув экипаж и направившись к массивной входной арке, они наконец-то получили возможность поговорить наедине.

— Моя мама — жуткая болтуня, — с лёгким вздохом начала Кира, когда они поравнялись.

— Да нет, — Кен добродушно усмехнулся, искренне оправдывая тётушку Марту из вежливости и уважения. — Ей же нужно было точно узнать, вдруг у моих родителей что-то изменилось насчёт субботы.

Кира мягко посмотрела на него сквозь тонкие, изящные локоны, падавшие ей на лицо с двух сторон.

Она ничего не ответила, но в её взгляде читалось понимание — она оценила его тактичность. На мгновение между ними повисла уютная пауза. Вдруг Кира резко ускорила, обогнала парня и встала прямо перед ним, преграждая путь.

— Эй, — она хитро прищурилась и ткнула аккуратным пальчиком ему в грудь. — А почему у тебя на шевроне всего один дрэм, а не три, как у всех?

Кен в замешательстве наклонил голову, пытаясь рассмотреть вышитый школьный герб на лацкане пиджака. «Как один? Было же три...» — пронеслось в голове, и в ту же секунду он получил от Киры шуточный щелчок пальцем по носу. Девушка звонко рассмеялась, развернулась и побежала к внутреннему двору школы.

— Попался! — донёсся её весёлый голос.

— Ну погоди! — Кен с улыбкой бросился вдогонку.

Он настиг её уже у клумбы, осторожно, но крепко перехватив руками за плечи.

— Один, говоришь? Обманщица, — поддразнил он.

Кира продолжала весело смеяться, даже не пытаясь вырваться. Кен опустил взгляд и впервые внимательно сравнил её эмблему со своей, чтобы понять, к чему была шутка. Раньше он никогда не вникал в геральдику их школы, но теперь заметил странность: на форме Киры фиолетовый дрэм был вышит ярко и чётко чуть выше двух других силуэтов. А вот у Кена всё было иначе — на его ткани гордо парил одинокий белый дрэм, а фиолетовый и красный силуэты под ним были настолько блеклыми и едва заметными, что издалека эмблема и правда казалась пустой.

— Ну ты и шутница, — протянул он, всё ещё разглядывая это странное различие.

— Да, бываю иногда, — улыбнулась Кира, подкинув в руке портфель. Решив отложить загадку с вышивкой на потом, Кен понизил голос:

— Кстати... когда вы приедете в гости, я покажу тебе одну вещь. Старую, магическую. От дедушки осталась.

Глаза Киры мгновенно округлились от любопытства.

— Ого! Ловлю на слове, — воодушевленно отозвалась она.

В этот момент со школьной башни разнёсся чистый, протяжный удар колокола, возвещающий о начале уроков. Внутренний двор начал стремительно пустеть.

— Ну, мне пора. Пока! — Кира помахала ему рукой.

— Пока! — ответил Кен, провожая её взглядом.

Они попрощались и разошлись по своим корпусам. Учебный день только начинался. На уроках Кен совершенно не мог сосредоточиться: он то и дело ловил себя на том, что задумчиво перебирает пальцами блеклую вышивку на своём пиджаке и мысленно переносится в субботу. Когда же занятия наконец закончились, парень не стал, как обычно, дожидаться Филипа во внутреннем дворе. Он сразу поспешил к лесной тропинке. Мысли о бардаке в комнате заставляли его шагать быстрее, так что задерживаться в школе он не собирался.

Весь вечер он без усталости драил комнату, разбирал старые завалы и раскладывал вещи по местам. Напоследок Кен притащил ведро, намочил тряпку и принялся усердно тереть деревянные доски, наводя финальный лоск. В самый разгар работы, когда спина уже начала невыносимо ныть, он выпрямился, чтобы перевести дух, и посмотрел на потолок.

В голове снова всплыло обещание, данное Кире. Кен оставил ведро, тихо выскочил в коридор и поднялся по деревянным ступеням на чердак.

Здесь было темно и пахло сухим деревом. Юноша осторожно шагнул под низкие балки, боясь поймать лицом паутину, но углы оказались чистыми. На вещах лежал лишь тонкий слой пыли, будто здесь прибирались всего пару месяцев назад. Юноша подошёл к старому потемневшему посуднику, где раньше держали праздничную глиняную утварь. Там, на средней полке, прямо среди пустых подсвечников лежал тяжелый прибор из темного металла, покрытый вязью тонких рун.

Кен взял его в руки, и в памяти сам собой всплыл разговор из прошлого.

Тогда он гостил у дедушки. Был тихий вечер, плавно переходящий в ночь. Они сидели за столом и неспешно ужинали. За окном дома в сумерках угадывался совсем иной, непривычный Кену пейзаж: бескрайние равнины и пологие холмы, где днём паслись коровы и бараны. Загадочный компас уже лежал на столе между тарелками, разделяя с ними этот долгий вечерний разговор.

Дедушка, прервав прошлую мысль, негромко рассмеялся, вспоминая былое:

— ...А нашёл я его случайно, когда мы с отрядом в лесу мимо лагеря гоблинов проходили. Заметили они нас, ну и пришлось отступать. Если говорить совсем честно, Кен, то бежать враспынную, гоблинов-то много было. Я споткнулся и покатился вниз по склону. А когда упал, прямо перед собой увидел этот компас — он лежал в самом низу дерева, в расщелине у корней. И никаких следов рядом не было, да и времени искать их у меня тогда не оставалось...

Старик замолчал и бережно коснулся потемневшего металла.

— Я ведь в нём так и не разобрался. Несколько раз ходил по стрелке, но понял, что она ничего не показывает, просто болтается время от времени. Так и оставил его у себя как талисман.

Кен моргнул и перевёл взгляд на пальцы, сжимающие тёмный металл. На чердаке по-прежнему пахло сухим деревом. Юноша покрутил прибор — тяжёлая стрелка лениво качнулась и замерла, указывая в сторону стены. Парень спустился обратно в комнату, положил компас на стол и залез под одеяло. На сегодня работы хватит. Он почти сразу уснул.

Колокольный звон, разнесшийся над всей деревушкой, заставил Кена проснуться.казалось, что он поспал всего час. Кен умылся, позавтракал и посмотрел в окно — там было пасмурно. Но ни серое небо, ни плохой сон не испортили ему настроение. Юноша быстро собрался и вышел на улицу.

Когда Кен зашёл в лес, начался мелкий дождь. Капли тихо стучали по листьям, но только в редких местах: благодаря гигантским кронам деревьев парень шёл по тропинке, почти не

намокая. Это была тихая, успокаивающая прогулка. Стоило ему выйти к тракту, как дождь прекратился.

«Сегодня будет удачный день», — мысленно улыбнулся Кен.

В ту же секунду у развилки он заметил знакомую карету.

«Да, определённо», — дополнил он свои ожидания с ещё большей радостью.

Дядя Томас помахал ему рукой и крикнул:

— Привет, Кен! Садись скорее, а то дождь вдруг опять начнётся!

Парень на ходу запрыгнул внутрь.

— Здравствуйте, тётя Марта! Привет, Кира! — энергично выдал он.

Тётушка Марта поприветствовала его как обычно, с тёплой улыбкой, но Кира даже не повернула головы. Она молча смотрела в окно грустными глазами. Кен не стал лезть с расспросами и просто продолжил общаться с её матерью, хотя в мыслях это холодное молчание волновало его сильнее всего.

Они уже подъезжали к школе. Тётушка всё ещё что-то увлечённо рассказывала, а Кен снова задержал взгляд на Кире, которая всю дорогу смотрела вдаль. Заметив это, тётя Марта вздохнула и тихо произнесла:

— У неё умерла кошка, она очень к ней привязалась. Так что Кира сегодня совсем не в настроении, Кен. Ей просто нужно время, чтобы пережить это.

Кен перевёл растерянный взгляд на тётушку Марту, не зная, что ответить. Экипаж мягко затормозил у крыльца замка. Подростки молча поднялись со своих мест, попрощались со взрослыми и вместе спустились на землю. Кен шёл чуть позади, стараясь не навязываться, и они молча направились к парадному внутреннему двору.

Для Кена эта тишина была тревожной. Он чувствовал, что должен сказать ей что-то утешающее, как-то подбодрить и поддержать. Кира шла, глядя на землю перед собой, и крепко обнимала кожаный портфель. Кен чуть ускорился и поравнялся с ней.

— А ты какие конфеты любишь? — невпопад спросил он. — Мои любимые, например, пастилки в сахарной пудре ...

Посмотрев на Киру, юноша сразу понял, что этим её точно не подбодрить. На входе в арку Кен обогнал девушку и встал прямо перед ней, преграждая путь. Она остановилась и подняла печальный взгляд.

— Кира, а ты знала, что наши гербы отличаются? — серьёзно произнес Кен, показывая пальцем на её жилет.

Она наклонила голову, чтобы посмотреть, но в ту же секунду Кен щёлкнул её по носу, в точности повторив вчерашнюю шутку. Парень резко развернулся и побежал вперед. Кира со слабой улыбкой дёрнулась с места, собираясь пуститься вдогонку, но тут же замедлила шаг и снова помрачнела. Кен не услышал за спиной быстрого топота и удивлённо обернулся на ходу. Осознав, что шутка не сработала, он затормозил у самого выхода во внутренний двор. Веселье с него мигом слетело, и через мгновение парень стоял уже совершенно грустный, подбирая правильные слова и дожидаясь, пока она подойдёт ближе.

— Мне очень жаль, Кира, — тихо произнёс он, когда она поравнялась с ним. — У меня в детстве тоже была кошка. Я её сильно любил, но потом её не стало.

Кира наконец подняла на него глаза и спросила:

— А что с ней случилось?

— Я не знаю. Она просто исчезла. Родители говорили, что кошки всегда уходят сами, когда чувствуют, что умирают. А твоя не ушла?

— Нет, — Кира покачала головой, и её голос дрогнул. — Это был несчастный случай. Корова в сарае наступила на неё... случайно. Папа нашёл Альбу, когда было уже слишком поздно. Я пыталась использовать магию, Кен, правда пыталась! Но я ничего не смогла сделать...

Кен растерялся и не нашёл что ответить. Наступила неловкая пауза, пока они молча шли к большой клумбе, у которой обычно расходились.

— А как её звали? — спросил Кен, нарушая молчание.

— Альба, — ответила Кира.

Кен присел на каменную оградку клумбы и посмотрел назад, сквозь тёмный зев арки. Затем он повернулся к Кире, мягко положил руку ей на предплечье и заглянул в глаза:

— Всё будет хорошо. Твоя мама права, со временем станет легче. Но это не значит, что ты забудешь Альбу или станешь меньше её любить. Я тоже сильно скучал по своей кошке первое время, даже мама по ней плакала. А потом грусть ушла, но я её всё равно помню.

— А как её звали? — спросила Кира.

— Никак, — Кен слабо улыбнулся. — Просто кошка. Мы пытались придумывать имена, но она ни на одно не отзывалась. Поэтому так и звали... кошка.

В этот момент со школьной башни раздался удар колокола. Внутренний двор к этому времени уже опустел. Ему очень хотелось узнать, приедет ли она завтра, но он так и не решился спросить.

— Пока, — тихо сказал Кен.

Кира сделала шаг назад, и рука юноши соскользнула с её предплечья.

— Пока, — отозвалась она, развернулась и пошла к своему корпусу. Кен так и остался сидеть на каменной оградке, провожая её взглядом.

На уроке Кен окончательно потерял покой. Профессор что-то монотонно объяснял, но парень не слышал ни слова. Он подпёр голову рукой и невидящим взглядом уставился на блеклую эмблему на своём жилете.

Мысли крутились по кругу. Вдруг Кира вообще не приедет завтра? Какая тут может быть поездка, когда у неё такое горе. Наверняка родители оставят её дома. Кен представил, как к их крыльцу подъезжает карета, из неё выходят взрослые, а пассажирское сиденье пустует. Все усилия — генеральная уборка, заветная коробочка пастилок в шкафу — всё казалось напрасным. Кен понимал, что сейчас ничего не может изменить, и от этого бессилия становилось только хуже. Оставалось просто ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.